

Искусство принадлежать искусству

От «яда попсы» есть одно противоядие — музыка

Общая газета,
-1999-14-20 авг. - с.14

АЛЕКСАНДР МЕЛЬНИКОВ-МАРКАТОВ. Блестящий пианист, композитор, один из отцов-основателей оркестра «Амадеус», который с успехом гастролирует по Европе.

— Две ваши оперы — «Сонечка» по повести Марины Цветаевой и «Очам твоей души» по стихам Игоря Северянина — стали событиями последнего музыкального фестиваля «Московская осень». Вы ценитель Серебряного века?

— Не в том дело — серебряный или золотой. Там рядом с Цветаевой и Северяниным еще много кто был, а чувства к ним никакого.

— Почему вы заняты поиском все новых форм и способов приложения сил?

— Композитор — одна из самых несчастных профессий на земле. Писателю достаточно написать книгу, художнику — картину. Композитор же написал музыку, условные значки на бумаге, и началось: нужно искать оркестрантов, вокалистов, дирижеров, чтобы исполнили. При этом зависишь от настроения или состояния здоровья каждого. Ведь музыку так легко исказить — чуть сдвинул темп, изменил интонацию. Непрофессионал этого и не заметит, для автора же — трагедия.

— Ваша мечта, наверно, — самому придумывать, самому исполнять, самому записывать.

— Да. Поэтому ручку и нотную бумагу заменил компьютер. Началось это давно. Еще в консерватории я познакомился с Андреем Александровичем Володиным, изобретателем инструмента под названием «экводин», который мог имитировать звуки скрипки, духовых, клавишных инструментов.

— Вы говорите об электронной музыке?

— Я не соотношу себя с каким-либо цехом или направлением в музыке. Лет двадцать назад электронной музыкой занимались не музыканты, а технари с музыкальным образованием и обсуждалось, например, как раскладывается звук. С годами выяснилось, что электронная музыка — прикладная область скорее науки, чем искусства. Но для человека, способного воспринимать и переваривать информацию, полезно все.

Любое новое рождается, идет цветочками-листочками и засыхает. А люди продолжают над этим сухостоем трудиться. Зря. Вспомним: великие музыканты — Бах ли, Гершвин переваривали музыку, созданную за несколько

веков до них, и шли дальше.

— Вы вели интересные музыкальные передачи на радио и на телевидении. И вдруг — ушли.

— Радиопрограмма называлась «Зеркало»: музыка и все, что вокруг нее. А телевизионная — «Долг — платежом»: культура и все вокруг. Они строились по принципу полной импровизационности. Приходили деятели культуры, искусства, политики. Бывало, с удовольствием

чество все меньше и меньше.

— Но есть и тот, что музыкальная культура и традиции в России пока еще очень сильны. Даже при том что консерваторская молодежь уезжает работать по контракту за рубеж, не видя реальных перспектив для работы здесь. Талантов, интересных людей очень много, но и проблем столько же. Нам есть что терять, и мы это, к сожалению, продолжаем делать.

ривало состояние нашей эстрады. Откровенно сказал об этом Юрий Лоза: «Наша эстрада искусством не является». У нас же не осталось разницы между кабаком и концертным залом!

Однажды Шевчук заметил, что трудно выступать в Концертном зале «Россия», где все на сто метров вглубь пропитано ядом попсы. Это на самом деле яд, разлагающий душу и сердце, оглуляющий

ре. Да, слово новое, но опера и нуждается в новациях. В свое время реформаторами оперы были Глюк, Гендель, Россини. Однажды впервые дирижер повернулся к публике спиной. Вдруг поняли, что ему надо видеть не публику, а музыкантов, певцов. Вам смешно, а это была революция и жуткий скандал. Любое новаторство всегда воспринимается в штыки, и нет этому ни конца ни края — вся история искусства сплошное тому доказательство.

Если показать оперу в том виде, как она ставилась сто лет назад, — это же тоска смертная. Кто-то в этом признается, а кто-то — нет. Поэтому пытаются освежить декорациями, голограммами, в Афинах вот играют на открытых площадках... Есть еще очень скользкий и опасный путь, есть театры, которые «осовременивают» оперу, например «Геликон». Их спектакли — уже не произведения тех композиторов, что обозначены в названиях. Это интересно, может быть, талантливо, но к первоисточнику не имеет отношения.

— Вы опять решили проблему посвоему — взяли и сделали свой театр и назвали «САМ».

— Это только в советское время театры возникали по чьему-то властному решению. А во все времена они рождались, как дети, — по любви, МХАТ или театр на Таганке тому пример. Жизнь показывает, что именно такие театры, как и желанные дети, наиболее талантливые и жизнеспособные. Хотя все имеет свой век.

Я долго наблюдал за тем, что происходит вокруг, и понял: то, что я хочу и что пишу, ни в каком из наших театров увидеть никогда не смогу. Наш коллектив сложился на репетициях «Сонечки» — собрались люди многогранные, талантливые, а главное, как говорится, «одной группы крови».

— Вам нравится, как складывается ваша жизнь?

— Мне повезло в главном: я никогда не делал того, чего мне очень не хотелось делать. И не стыдно за то, что уже сделано.

— А в любви везет?

— Не скажу, что меня мало любили. Но «как-то не так». Как у Игоря Северянина:

«Мы живем, будто в сне неразгаданном/ На одной из удобных планет./ Много есть чего в жизни не надо нам./ А того, чего хочется — нет...»

Марина ЮЖАНИНОВА

Композитор, музы и музыка

избавлялся от предыдущих негативных реакций на человека, открывая его в беседе с иной стороны, и признавал, что был не прав. Я чрезвычайно ценю в людях умение импровизировать. Эта способность как лакмусовая бумажка демонстрирует в течение нескольких минут всего человека: интеллект, образованность, умение спонтанно, быстро мыслить, реагировать на ситуацию.

Но профессия телеведущего требует большого запаса энергии, легкомысленного отношения к собственной жизни, поскольку обрекает на жизнь в отраженном свете. Она опустошает, вредит творчеству и личности вообще. Примерив ее, я очень скоро стал замечать, как не столько слушаю своих собеседников, сколько навязываю им свое мнение или показываю себя — дорогого. Немного огорчился и... завершил телекарьеру.

— Ваше «Зеркало» отражало и тот факт, что музыкантов в Оте-

— К чему это, по вашему мнению, приведет?

— Подменяются ценности. Место, в частности, музыкального искусства займет попса, и лучшим композитором станет считаться не Бетховен, а, например, Газманов. Это все уже происходит. Единственное наше преимущество по сравнению с другими странами — уровень культуры. Мы можем гордиться только умами и талантами, а при нынешнем порядке вещей быстро превращаемся в серенькую страну, куда будут поставлять самую плохую продукцию — будем носить плохие вещи, смотреть плохие фильмы, слушать плохих певцов.

Наши скрипачи и пианисты, несмотря на полное отсутствие внимания со стороны государства, упорно продолжают занимать призовые места на международных конкурсах. А помните, суперзвезда Алла Пугачева заняла с «Примадонной» 17-е место? Это продемонст-

розог и притупляющий чувства. Любое серьезное искусство нуждается в государственной дотации. Вот попробуйте найти спонсора на концерт «нового Рихтера», а на концерт «нового Крутого» — пожалуйста. На попсу ориентируются сильные мира сего, они заказывают ту музыку, что им ближе, понятнее, и навязывают ее народу. Даже в эпоху ЦК КПСС ситуация не была такой беззащитно благой и продажной.

— Люди тянутся к классике, потому что она стабильная, вечная. А вы им — talk-оперу «Сонечка».

— Главным в этой работе является слово Цветаевой. Там много текста, который поется и определенным образом говорится — звуковысотно. В классической опере вы вообще половину слов не понимаете. Пока не прочтете в программке, кто к кому пришел, кто кого убил, отравил, — ничего не понятно. Слово «talk» обозначает новый жанр в опе-